

УДК 316.74:2

АЛЕКСАНДР НЕЛЬГА,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела философских проблем этноса и нации Института философии НАН Украины

Социологический взгляд на этнорелигиозный фактор формирования политической нации в Украине

Аннотация

Статья посвящена одной из самых актуальных проблем украинской современности — формированию единой политической нации. Изучение механизмов достижения общественного единства требует обращения прежде всего к таким консолидирующим факторам, как социально-правовое государство и гражданское общество. Однако для условий Украины не менее важны этнический и религиозный факторы. Более того, в итоге речь идет о единственном этнорелигиозном факторе. Опираясь на материалы статистических обследований и результаты социологических исследований, а также на выводы социологов и философов-религиоведов, автор показывает сложную картину межконфессиональных отношений в украинском обществе, проблематичность достижения согласия в этих отношениях и единства целей в религиозном пространстве Украины в целом. Поэтому в контексте украинского построения нации этнорелигиозный фактор нужно рассматривать скорее как деструктивный, нежели интеграционный. Следует также рассмотреть перспективы формирования и функционирования так называемой гражданской религии в Украине.

Ключевые слова: *политическая нация, построение нации, этнос, религия, религиозные конфессии, этнорелигиозный фактор, гражданская религия*

Понятие политической нации

Сегодня среди украинских обществоведов общепризнано, что “в Украине ... общество столкнулось с фактом отсутствия национальной интеграции” [Піддубний, Чепурко, 2009: с. 439]. Так, в рамках национального опроса “Общественное мнение в Украине-2009”, осуществленного Центром соци-

альных и маркетинговых исследований “СОЦИС” в апреле 2009 года, к вопросу “Как бы Вы объяснили для себя слово “наши”? Это прежде всего...” был предложен ряд вариантов ответов, самый низкий процент среди которых (кроме вариантов “Другое” и “Трудно ответить”) “собрали” ответы: “Люди одинакового со мной отношения к политике” (8,9%), “Люди одинакового со мной отношения к религии” (10,6%) и “Моя нация” (19,4%) [Результаты, 2009: с. 506]. (Правда, достаточно важный, на наш взгляд, вариант ответа “Моя этническая общность” авторы анкеты не предусмотрели.) Низкий процент (11,6%) “пришелся” на вариант ответа “Национальная принадлежность (понятно, что авторы анкеты имели в виду этническую принадлежность. — А.Н.)”, предложенный к ответу “Что сегодня объединяет людей в украинском обществе?” [Результаты, 2009: с. 507].

Данные результаты свидетельствуют о том, что ни этнической консолидированности, ни национального единства в нашем обществе пока нет, а также о том, что ценность религии как фактора национальной интеграции довольно низка. При этом нужно отметить, что сегодня среди большинства украинских обществоведов, изучающих этнонациональную проблематику, не существует расхождений в отношении того, какую нацию должно формировать украинское общество. Считается, что это должна быть политическая нация.

Однако для украинских ученых остается необходимость определиться по крайней мере среди трех типов политических наций, которые позиционируют современные западные социальные философы, политологи и социологи. Речь идет о мультикультурном, территориальном и этноядерном типах. *Первый* из этих типов присущ так называемым иммигрантским (переселенческим) обществам, которые не имеют своего этнокультурного ядра и состоят из диаспорных сообществ (США, Канада). *Второй* тип связывают с Западной Европой и выделяют его как возникающий на территориальных основаниях, без участия этнических факторов (авторы соответствующих работ — прежде всего Эрнст Геллнер, а также Ганс Кон, Бенедикт Андерсон, Эрик Гобсбаум, Том Нейрн и др.).

Политическая нация *третьего* типа тоже связана с Западной Европой, но рассматривается как формирующаяся вокруг этнического ядра (титульного этноса) общества. “Как это ни парадоксально, — отмечал Энтони Смит, — только там, где новое государство построено, как и на самом Западе, вокруг господствующей этнической группы, существуют самые лучшие шансы для создания “территориальной нации” и политической общности” [Смит, 1994: с. 123].

При более тщательном анализе обнаруживается, как показывает украинский этносоциолог В.Арбенина, что ни одна из современных политических наций Западной Европы не возникла без участия этнического фактора [Арбенина, 2007: с. 41–43]. Поэтому реальное количество моделей этих наций сужается до двух, и образцом для Украины может стать, разумеется, модель Смита. Ведь можно видеть, что современные государства Западной, Южной, а сегодня уже и Центральной Европы демонстрируют заверченный переход от наций-этносов (Э.Геллнер) к политическим нациям, образовавшимся на теле своих этнических ядер (Э.Смит), вокруг своих титульных этносов.

Что касается Украины, то здесь есть и государство, и его граждане, но нет ни гражданского общества, ни политической нации. Поэтому настоя-

тельной является потребность в изучении причины такого положения вещей и поисках путей его преодоления. Одним из важнейших стартовых оснований такого изучения и таких поисков должен быть тот факт, что *украинский народ* (как совокупность всех этнических общностей страны), добившись государственности, приобрел вместе с ней новые дополнительные качества, то есть стал еще *и совокупностью граждан*. Но это не превратило его автоматически в *политическую нацию*, поскольку последняя — это не механическая совокупность простых *носителей гражданства*. Политическая нация — это интегрированное образование. Однако это — не просто население или в определенной степени принудительно созданная совокупность людей по типу территориальной нации или нации-государства. Это — *органическое единство* граждан, интегрированных национальной идеей и чувствами национального патриотизма и национальной гордости. Политическая нация — это политическая *общность* граждан.

Этническая маркированность политической нации

Политическая нация, как отмечалось выше, не может не быть этнически маркированной общностью. В связи с этим целесообразно подчеркнуть, что собственно этносом является только та общность людей, которая изначально живет на своей этнической земле-родине, и эта земля является общностной собственностью данного этноса. В Европе (за несколькими исключениями) исторически сложилось так, что ныне этнической основой нации является ее автохтонное ядро (=титульный этнос): в Польше — поляки, в Венгрии — венгры, в Германии — немцы, в Украине — украинцы и т.п.

Однако доля определенного этноса, оторвавшаяся от своей земли-родины (армяне или русские во Франции; турки в Германии; украинцы в Португалии; поляки или болгары в Украине и т.п.), является уже не этносом, а диаспорным образованием. И не потому, что эта часть утратила свои основные этнические признаки, а потому, что она живет не на своей этнической земле-родине, а на земле другого этноса, для которого его земля тоже является извечной общностной собственностью.

При этом стремление отстаивать, утверждать свое общностное право быть хозяином на своей собственной этнической земле, желание убеждать в признании этого права и уважении к нему со стороны диаспорных общностей, а также со стороны соседних наций является наиболее существенной чертой любого современного европейского титульного этноса. Именно на основе таких уважения и признания сформировались, существуют (а сегодня уже и интегрируются в наднациональные объединения) политические нации Европы. Соответственно государства этих наций, как отмечает американский этнополитолог М. Волцер, “действуют так, чтобы репродуцировать мужчин и женщин определенного типа: норвежцев, французов, датчан и т.п. ... Наиболее либеральные национальные государства (возьмем в качестве примера Норвегию, Францию и Нидерланды) ... заинтересованы в культурном выживании нации (читай: “этноса”. — А. Н.), составляющего большинство населения государства” [Волцер, 2004: с. 93–94].

Этнонациональная политика украинского государства, напротив, активно ведет к расчленению единого этнического пространства страны. Существовавший до недавнего времени Государственный комитет Украи-

ны по делам национальностей (читай: “этнических меньшинств”. — А.Н.) и религии уже своим названием отделял все этнические меньшинства (22,2% населения) от этнических украинцев как титульного этноса, как этнического ядра общества.

Да и реальная деятельность этого Комитета не противоречила его названию. Так, например, 25 мая 2010 года Комитет провел “круглый стол”, посвященный обсуждению проекта Закона Украины “О Концепции государственной этнонациональной политики Украины” [Проект, 2010]. Ознакомление с текстом свидетельствует, что этот проект ориентирован преимущественно на этнические меньшинства. Ведь в нем уже в определении “государственной этнонациональной политики Украины” постулируется цель “обеспечения гармоничного развития украинской нации в целом и национальных меньшинств и этнических групп в Украине”. Но поскольку далее в проекте утверждается, что “украинская нация — все граждане Украины”, а этническая группа “отличается от национального меньшинства тем, что этнос, частью которого она является, в процессе этногенезиса не создал собственного государства”, то есть оба они являются этническими меньшинствами, то становится понятным, что авторы Концепции, растворив этнических украинцев среди “всех граждан Украины”, “отодвинув” их в сторону, приоритетным объектом заботы предложили сделать этнические меньшинства.

Если конкретнее, то в *социально-экономической сфере* Концепцией предлагается “создание организационных и правовых условий для развития предпринимательства и традиционных видов хозяйственной деятельности представителей национальных меньшинств и этнических групп”; в *культурно-гуманитарной сфере* — “создание условий для сохранности и развития языков национальных меньшинств и этнических групп, их этнокультурного наследия (истории, национальных обычаев, традиций)”. Таким образом, ни развитие предпринимательской деятельности, ни сохранение и развитие языка титульного этноса Украины авторами Концепции не принимаются во внимание.

Как было понятно из сравнения содержания проекта “Концепции государственной этнонациональной политики Украины” с соответствующими европейскими практиками, этот проект представляет собой полную противоположность этнонациональной политики этих государств, которые уже интегрировались в политические нации и сегодня активно создают единое наднациональное пространство. Учитывая западный опыт, а также исходя из неотложных задач интеграции нашего общества в политическую нацию, украинское государство должно существенно подкорректировать приоритеты своей этнонациональной политики.

Этнорелигиозный фактор формирования политической нации в Украине

Исходя из того, что, с одной стороны, в процессе формирования политической нации этнический фактор играет определяющую роль, что при этом политическая нация в Украине не может сформироваться иначе, чем путем объединения представителей всех этнических меньшинств вокруг украинцев как титульного этноса, следует, с другой стороны, обязательно учитывать *факт тесного единства этнического и религиозного феноменов в Украине*, ко-

торое (единство) имеет глубокие исторические корни. Поскольку Украина в течение многих веков не имела собственного государства, то *функцию* консолидатора этнических украинцев фактически длительное время выполняла церковь. Поэтому роль религии и церкви как факторов построения нации в нашем обществе нужно исследовать в неразрывной связи с этническим фактором, то есть — как *действие единого этнорелигиозного фактора*.

Чтобы иметь представление о роли этого фактора в процессе созидания нации в Украине, необходимо как минимум: 1) раскрыть общий характер связи религиозного с этническим; 2) установить, каков уровень религиозности и какова конфессиональная принадлежность количественно доминирующего титульного этноса — украинцев; 3) отобразить сущность современных реалий этнорелигиозных отношений в Украине; 4) выяснить, каков потенциал нациесозидательной конструктивности этнорелигиозного фактора и какими могут быть механизмы реализации этого потенциала в условиях нынешней Украины

По сути говоря, следует показать, что в Украине политическая нация формируется как маркированная не только этнически, но и религиозно. При этом нельзя абстрагироваться от того, что в Украине не существует ни “этнических религий”, ни “этнических конфессий”. Однако “религиозные идеи, даже имея надэтнический характер, что свойственно в частности для христианства, все равно реализуются в национальной (этнической. — А.Н.) форме, поскольку носители религиозности с необходимостью принадлежат к определенному этносу” [Колодний, 2009: с. 151].

В целом религиозной ситуации в Украине присущи определенные черты. *Во-первых*, по уровню религиозности населения Украина занимает одно из первых мест в Европе. Как считает один из ведущих нынешних украинских специалистов в области философии и социологии религии Анатолий Колодний, “можно сказать, что религиозность в Украине стала массовой” [Колодний, 2009: с. 161]. *Во-вторых*, по утверждению украинского социолога религии Л.Рязановой, сегодня “в конфессиональном пространстве Украины доминируют христианские конфессии (97,6%), а среди них лидирует православие (77,3%)” [Рязанова, 2009: с. 343]. При этом “для многих, даже совсем далеких от религии людей отнесение себя к православию является способом маркировки своей этнической, культурной и конфессиональной идентичности” [Рязанова, 2007: с. 145]. *В-третьих*, сегодня в Украине имеется более 120 религиозных течений и церквей. И хотя Украина является скорее религиозно плюральной страной, ее поликонфессиональность имеет следствием то, что “такого букета межконфессионального и межцерковного противостояния, которое ныне имеет место в Украине, не знает ни одна страна мира” [Колодний, 2009: с. 163].

Последнее обстоятельство, весьма важное для выяснения возможностей построения нации в Украине, заслуживает особого внимания. Религия в обществе, как известно, предстает одновременно как минимум в двух ипостасях: 1) на уровне естественного стремления человека постигать высшие смыслы бытия религия — это явление духовной культуры; 2) на уровне организации культовых практик она представляет собой такой социальный институт, как церковь. В рамках духовной культуры религиозное фактически объединяется с этническим, ведь этническое исторически вызревало как своеобразная абсорбция ментальных оснований Ойкумены. Однако на

уровне обрядовых практик религиозное несет в себе угрозы расчленения единого тела этнической общности.

Таково, например, сегодняшнее разделение прежде единого южнославянского этноса сербов, хорватов и боснийцев на, соответственно, православных, католиков и мусульман. Таково и сегодняшнее расчленение единого украинского этноса на несколько православных, шире — христианских конфессий. Вместе с тем, как отмечает современный украинский религиовед А.Аристова, “отечественные религиоведы почти единодушны в выводе, что на украинской почве межконфессиональные конфликты получили специфическую окраску — стали не просто конфликтами интересов, но и столкновением этнокультурных идентичностей” [Аристова, 2007: с. 215].

Украина — христианская страна с доминированием православия [Рязанова, 2007: с. 144], но исторически сложилось так, что в самом православии на территории украинского государства доминирует не УПЦ КП — церковь, стоящая на позициях конфессиональной и национальной независимости, а УПЦ МП — подчиненная Московскому Патриархату часть Русской Православной Церкви. Замечу, что в таких православных странах, как Армения, Грузия, Румыния, Болгария или Греция, православные церкви являются национальными и независимыми. Поэтому в условиях существующего в современной Украине межконфессионального раздора, который, разумеется, сказывается на межэтнических отношениях и острее всего проявляется именно в отношениях между УПЦ МП и УПЦ КП, этнорелигиозный фактор в отношении процессов созидания политической нации играет скорее деструктивную, а не конструктивную роль.

Однако, по мнению определенных украинских религиоведов, политологов, а также политиков-практиков, в Украине социально-интегративными механизмами, способными превратить этнорелигиозный феномен в фактор построения нации, могли бы послужить национальная религия и национальная церковь, единая поместная православная церковь, украинское государство и т.п. Насколько реальны эти возможности?

1. Наличие, с одной стороны, того органичного слияния этнического и религиозного феноменов, исторически возникшего в Украине, а с другой — многообразии и одновременно конфликтности украинского конфессионального пространства и, наконец, стремление украинского этноса к своему возрождению — все это ведет к попыткам “национально ориентированных сил в Украине использовать именно религию *в качестве средства возрождения украинского этноса* (курсив мой. — А. Н.). С помощью определенных конфессий, объявляемых национальными, они пытаются преодолеть факторы, которые веками способствовали денационализации украинцев” [Колодний, 2009: с. 105]. Впрочем, профессор А.Колодний полагает, что стать общенациональной религией украинцев, выполнять роль национального интегратора не могут ни УПЦ МП, ни УПЦ КП, ни Украинская автокефальная православная церковь, ни греко-католицизм и т.п. [Колодний, 2009: с. 106–107].

2. Учитывая количественное и статусное доминирование православной церкви в Украине, в последние годы украинские масс-медийные средства и представители властной элиты неоднократно поднимали проблему создания единой поместной православной церкви. Решение этой проблемы связывалось как с достижением независимости украинского государства, так и с формированием в Украине политической нации. Однако Анатолий Ко-

лодный, профессионально изучающий эту тему, делает два довольно пессимистических прогноза в отношении православия в Украине вообще, а именно: "... Первое — не следует православным рассчитывать на то, что их статус у нас когда-нибудь будет таким же, как, скажем, в России, Грузии, Беларуси или Румынии, то есть государственным или близким к нему. Второе — не следует ... лелеять особых надежд на то, что Православие когда-нибудь станет общенациональной идеологией, с помощью которой можно будет духовно объединить наш народ. Полагаясь только на Православие, ангажируя эту конфессию, можно будет лишь посеять в стране вражду и смуту" [Колодный, 2009: с. 241].

Итак, хотя одной из наиболее мощных социальных институций украинского общества, способных содействовать построению нации, могла бы стать единая поместная православная церковь, однако в ближайшем будущем ее создание не представляется возможным.

3. Правомерен вопрос: "А может ли вообще расколотое украинское православие своими силами объединиться?" В частности, А.Колодный дает отрицательный ответ в отношении перспективы объединения православных церквей Украины без вмешательства *государственного фактора*, поскольку сами церкви далеки от консенсуса по этой проблеме [Колодный, 2009: с. 51].

Существует и другая сторона проблемы вмешательства государства в процесс формирования политической нации в Украине. Дело в том, что органичный симбиоз традиционных для Украины украинской этнической и этноменьшинственной общностей с традиционными для каждой из них конфессиями порождает феномен *этнорелигиозного*, невозможный за пределами политических процессов общества, и прежде всего такого, как построение нации. Поэтому формирование украинской политической нации в условиях полиэтничного состава населения может успешно происходить, если государство будет создавать возможности для свободного функционирования национальных религиозных течений разных диаспорных и автохтонных этноменьшинственных общностей на территории Украины. Так, для немецкой этноменьшинственной общности таким течением является лютеранская церковь, для чешской и польской — католическая, для греческой — греко-православная, для еврейской — иудейская. "Определенное влияние на жизнь отдельных этнических меньшинств в Украине, в частности этноса-автохтона — крымских татар, оказывает и ислам. Религия является фактором объединения караимов и крымчаков" (см.: [Колодный, 2009: с. 156]).

Проблема самомодернизации религии

Если бы случилось так, что единая поместная православная церковь Украины появилась уже завтра, то смогла бы она выполнять нациесоцидательную функцию? На этот вопрос не все исследователи-религиеведы и социологи религии готовы дать утвердительный ответ, поскольку имеются большие *сомнения насчет способности православия к самомодернизации*.

Как считает, в частности, Л.Рязанова, православие является той ортодоксальной ветвью современного христианства, которая воссоздает доктрины раннего христианства с такими его ценностями, как позитивная оценка бедности, независимость от частной собственности, пренебрежение к хозяйственным успехам и материальному достатку, смирение, покорность,

жертвенность. То есть “ценности православия с их пренебрежением земным, пренебрежением к быту и комфорту мало совместимы с западными ценностями здоровья, молодости, зажиточности, наслаждения жизнью” [Рязанова, 2009: с. 340]. Учитывая нациесоизидательные задачи, неприемлемость того православия, которое бытует сегодня в Украине, заключается еще и в том, что характер его религиозности “в отличие, например, от протестантской или новейших религиозных движений не предполагает обязательного пребывания в определенной религиозной общине, которая осуществляет не только регламентацию, контроль, но и солидаристские практики, будучи не только референтной группой, но и группой поддержки в сложных жизненных ситуациях” [Рязанова, 2009: с. 346].

Как свидетельствует профессор Колодный, “в разговорах с последователями новых религий ощущаешь их счастье от того, что они не сосредоточены на традиционно пропагандируемых христианством концептах о греховности и потусторонней расплате. Эти религии учат человека тому, как жить в обыденности, как сделать жизнь не испытанием, а радостью. Это парадигмальное изменение христианской веры делает привлекательными для молодежи новые религии” [Колодный, 2009: с. 162].

Определенным основанием для выяснения роли христианства в целом как этнорелигиозного фактора формирования украинской политической нации могут, на мой взгляд, служить суждения современного украинского социолога религии М.Паращевина. “Если в начале существования христианства и на протяжении Средневековья, — пишет он, — основное внимание направлялось на потустороннее существование, с преобладанием, так сказать, идеи “Что ты можешь сделать для Бога и Церкви”, то в настоящее время произошла трансформация в направлении служения церкви именно человеку, по принципу “Что Церковь может сделать для меня в этой жизни”. В результате этого крупные религиозные организации стали одними из многих организаций, призванных обеспечивать комфорт земного существования. И религия вынуждена играть на одном поле и по одним правилам с другими, светскими организациями. Поэтому если эти другие организации не имеют ответов на кризисные условия, то не имеют их и религиозные организации” [Паращевин, 2009: с. 337]. И наоборот, в продолжение этих суждений, если определенные государственные институты или политические партии (либо те и другие вместе) пытаются интегрировать народ в политическую нацию, а церкви продолжают, как это происходит у нас в Украине, “играть исключительно на своем (старом) поле”, то политическая нация не возникнет.

Гражданская религия как возможное новое средство построения нации

В поисках ответа на вопрос о том, как Украине преодолеть то состояние, когда почти массовая религиозность населения проявляется на фоне мозаичной конфессиональности, дополненной определенной экспансией УПЦ МП, авторитетный исследователь-религиовед А.Колодный обращается к идее *гражданской религии* (ГР). Раскрывая содержание этого феномена, он отмечает: “В идеологической системе ГР собственно религиозные элементы сведены к минимуму, а религиозная лексика, символы, фразеология и культурные элементы используются для внедрения совершенно земных задач. В

культурную систему ГР включается и инаугурация президента страны, и поклонение национальному флагу и гимну, и оказание почестей выдающимся представителям своего народа, местам знаменательных событий в его истории, и организация национальных праздников, различных церемоний и т.п. “Священными писаниями” для них являются конституция страны, произведения выдающихся духовных отцов нации” [Колодный, 2009: с. 311].

При этом А.Колодный считает, что для формирования в Украине такой ГР существует почва. В частности поликонфессиональность страны, отсутствие абсолютного и повсеместного доминирования той или той конфессии или церкви, распространенная среди украинцев межконфессиональная толерантность. Более того, этот исследователь полагает, что в определенной степени процесс формирования ГР в Украине уже происходит [Колодный, 2009: с. 311, 312].

Однако не стоит подходить к гражданской религии как к универсальному заменителю традиционных религий. Ограниченность ГР заключается в том, что она представляет собой квазирелигиозные убеждения и ритуалы (от салютования национальному флагу до международных спортивных событий), способные выполнять исключительно функцию воспитания *социальной солидарности* и достижения *политической легитимности* в обществе [Джери Д., Джери Дж., 1999: с. 144]. Поэтому гражданская религия, будучи в состоянии способствовать объединению граждан в политическую нацию, пожалуй, не может выполнять некоторые латентные функции, являющиеся прерогативой традиционных религий, которые, по выражению американского социолога религии Р.Бели, выступают “носителями высших ценностей общества” [Американская социология, 1972: с. 277].

Тем не менее можно предположить, что именно гражданская религия лучше всего может сочетаться с такими составляющими политической нации европейского уровня, как этническое ядро и основные ценности гражданского общества. Эта религия, отодвигая на второй план традиционные религиозные конфессии, способна разрушить опять-таки традиционное “сращение” с ними их этнического контингента, а заодно и — обособленность этноконфессиональных общностей. Не говоря уже о том, что, к примеру, греко-католицизм несет в себе палиативы бывшего польского колониализма, а современное православие в Украине является полем мощных давлений вчерашней северной метрополии, которым Украина почти не в состоянии противостоять.

Итак, традиционно-этнорелигиозный феномен, взятый в качестве средства созидания политической нации в Украине, следует квалифицировать как такой, который скорее демонстрирует свою несостоятельность, нежели мощную потенцию. Очевидно, что он требует либо существенной модернизации, либо коренного изменения его формы.

Выводы

Можно утверждать, что, во-первых, религиозность в Украине является массовой; во-вторых, украинское общество не интегрировано в нацию. Однако если религия и может быть объективным фактором созидания политической нации в Украине, то лишь при условии, что соответствующие общественные субъекты активно-осознанного использования ее в качестве

средства такого созидания будут понимать, что данный фактор является фактически *этнорелигиозным*.

Впрочем, осуществленный анализ убеждает: *православие* в нашей стране, учитывая его расколотость, внутреннюю конфронтацию, а также уже ощутимые сегодня архаичность и консервативность, не в состоянии быть ни фактором, ни средством созидания нации. Так, профессор А. Колодный обоснованно отрицает возможность создания в Украине единой поместной православной церкви. Но, учитывая внутреннюю суть нынешнего православия, стоит, пожалуй, согласиться с мнением Л. Рязановой. “Будет единая поместная православная церковь в Украине или не будет, — пишет она, — политическим элитам все равно придется искать почву и идеи для консолидации украинского общества в интересах его стабильности и развития” [Рязанова, 2007: с. 151].

Можно ли, учитывая это, связывать перспективы создания нации в Украине с *протестантизмом*? Ведь, как утверждает А. Колодный, в Украине растет сеть протестантских организаций, которые уже охватывают 25% от общего количества религиозных организаций Украины. При таких темпах развития через 10 лет их доля будет составлять около 50% [Колодный, 2009: с. 79]. Однако должен заметить, что в глазах большинства верующих Украины это течение христианства не является традиционным и связанным с их этнической принадлежностью. Привлекательность протестантизма (особенно для младшей части верующих), полагаю, заключается скорее в его большем демократизме и в реальных признаках модерности. Но он не является в Украине этнорелигиозным феноменом. Поэтому *протестантизм*, лишенный в Украине этнической базы и не несущий с собой (и в себе) общенациональных символов и мифов, не может выступать ни фактором, ни средством созидания политической нации в Украине.

Гражданская религия имеет в этом смысле то преимущество, что объединяет уже не так вокруг изоляционно-традиционных этнорелигиозных, как вокруг общих национальных ценностей и символов, в основном принадлежащих титульному этносу нашей страны-государства, то есть этническим украинцам. Именно для них наименее ощутимым может стать различие между этническим и национальным.

Поэтому более всего в гражданской религии должен быть заинтересован как раз украинский этнос. Ведь такая религия способна сделать возможным преодоление расколотости украинства на конфессиональных основаниях, сделать его способным этнически консолидироваться, стать для него эффективным средством интеграции общества в нацию. И это средство в руках всего украинского общества могло бы выполнять роль эффективного, нетрадиционно-этнорелигиозного фактора созидания нации.

Источники

Американская социология. — М., 1972.

Арбеніна В.Л. Етносоціологія : навч. посіб. / Арбеніна В.Л. — Х., 2007. — 316 с.

Арістова А.В. Релігійні конфлікти в сучасному світі: природа, вияви, шляхи врегулювання : [монографія] / А.В. Арістова. — К. : НТУ, 2007. — 336 с.

Волцер М. Коментар / М. Волцер // Мультикультуралізм і “Політика визнання” / Чарльз Тейлор. — К. : Альтерпрес, 2004. — С. 92–96.

Джери Д. Большой толковый социологический словарь (Collins) : т. 1 (А–О) / Д. Джери, Дж. Джери ; пер. с англ. — М. : Вече : АСТ, 1999. — 544 с.

Колодний А.М. Релігійне сьогодення України: роздуми, оцінки і прогнози : тематична зб. вибр. статей і тез / Колодний А.М. — К. : Відділення релігієзнавства Інституту філософії ім. Г.С. Сковороди НАНУ, 2009. — 450 с.

Паращевін М. Чинник релігії: роль віри в життєвих випробуваннях / М. Паращевін // Українське суспільство 1992–2009. Динаміка соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : ІС НАНУ, 2009. — С. 328–337.

Піддубний В. Перспективи консолідації українського суспільства / В. Піддубний, Г. Чепурко // Українське суспільство 1992–2009. Динаміка соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : ІС НАНУ, 2009. — С. 439–448.

Про Концепцію державної етнонаціональної політики України : Проект Закону України, представлений Державним комітетом України у справах національностей та релігії учасникам “круглого столу”, що відбувся 25 травня 2010 р. в приміщенні Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України.

Результати національного опитування “Громадська думка в Україні–2009”. Омнібус : додаток // Українське суспільство 1992–2009. Динаміка соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : ІС НАНУ, 2009. — С. 477–548.

Рязанова Л. Релігійне життя України: сучасні тенденції пристосування / Л. Рязанова // Українське суспільство 1992–2009. Динаміка соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : ІС НАНУ, 2009. — С. 338–346.

Рязанова Л. Українське православ'я у контексті можливості створення єдиної помісної православної церкви / Л. Рязанова // Українське суспільство 1992–2007. Динаміка соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : ІС НАНУ, 2007. — С. 143–151.

Сміт Е. Національна ідентичність / Сміт Е. — К., 1994. — 223 с.